

Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики

А. Н. Подьяков

доктор психологических наук, профессор факультета психологии кафедры общей и экспериментальной психологии Государственного университета — Высшей школы экономики

Обсуждается полемика по поводу эссе Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия», в котором он обосновывает мысль: если злоумышленник требует от человека ответа, где спрятался его друг, чтобы этого друга убить, мораль велит сказать злоумышленнику правду. В статье доказывается: хотя сторонники этой кантовской позиции считаются абсолютистами, а ее оппоненты — релятивистами, сами кантовцы с необходимостью осуществляют масштабную релятивизацию максимы правдивости и часто занимают более конформистскую позицию по отношению к обману, чем оппоненты Канта — «релятивисты». Вводятся парадоксы «Драгоценный друг» и «Обобщенное следствие Канта для множества друзей», характеризующие противоречивость позиции сторонников Канта. Противостояние «абсолютистов» и «релятивистов» интерпретируется как полемика сторонников редукционистского и холистического (целостного) методологических подходов, с пониманием того, что методологическое противостояние здесь усиливается противостоянием нравственных ценностей.

Ключевые слова: Кант, ложь, обман, принцип правдивости, моральная абсолютизация и релятивизация, холизм, редукционизм.

К сожалению, в наши дни не только ложь, но и простая правда нуждается в солидных подтверждениях и доводах. Не есть ли это знак, что мы вступаем в совершенно новый, но грустный мир? Доказанная правда есть, собственно, не правда, а всего лишь сумма доказательств.

Иосиф Бродский

Как поступить, если злоумышленник требует от человека ответа, где спрятался его друг, чтобы этого друга убить, и у человека нет возможности уклониться от ответа? В эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» И. Кант обосновывает мысль: мораль велит даже в такой ситуации говорить правду. Лгать в каких бы то ни было ситуациях безнравственно; это моральное и правовое преступление [13].

Хотя Кант анализирует случай, описанный Б. Констаном и получивший, соответственно, название случая Констан-Канта (Канта-Констана), Р. Г. Апресян подчеркивает, что аналогичную ситуацию ранее рассматривал С. Джонсон (сюжет был значимым и пространственным) с выводами, противоположными последующим кантовским [1, с. 196—197]. Л. А. Калинин пишет, что проблема лжи злоумышленнику для спасения от него потенциальной жертвы и кантовский анализ этой ситуации занимали «как правоведов, так и

философов морали на протяжении всего XIX столетия. В конце 80-х годов эта проблема нашла отражение в главе X поэмы Д. С. Мережковского «Протопоп Аввакум», являющейся стихотворным переложением «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» [10, с. 58—59]. В поэме есть эпизод спасения протопопом прячущегося беглого каторжника от стражников. Д. С. Мережковский вкладывает в уста протопопа Аввакума следующие слова [21; цит. по: 10, с. 60—61]: «Пусть же Бог меня накажет: как мне было не солгать? Согрешил я против воли: я не мог его предать. Этот грех мне был так сладок, дорога мне эта ложь: Ты простишь мне, Милосердный, ты Христос, меня поймешь: Не велел ли ты за брата душу в жертву принести. Все смолкает пред любовью: чтобы гибнущих спасти, Согрешил бы я, как прежде, без стыда солгал бы вновь: Лучше правда пусть исчезнет, но останется любовь!»

В начале 90-х годов XIX в. с критикой позиции Канта выступает уже Вл. Соловьев (трактат «Оправдание добра»).

И в настоящее время, хотя с момента опубликования кантовского эссе прошло более двухсот лет, по его поводу продолжается ожесточенная полемика — например, целиком ей посвящен выпуск журнала «Логос» [19] со статьями ведущих отечественных философов.

Как и ранее, так и теперь в этой полемике выражается отношение не просто к самому эссе Канта, а к фундаментальным проблемам морали, экзистенциальным проблемам человеческого бытия и взаимоотношений между людьми. Суть полемики — жесткое противостояние:

— тех, кто считает принцип «Не лги!» абсолютным нравственным законом, не допускающим исключений;

— тех, кто считает, что ценой соблюдения принципа «Не лги!» не может быть жизнь невинного человека [1, 2]; что правдивость в обычных условиях и ложь для предотвращения покушений на жизнь и свободу со стороны активно атакующего зла представляют собой не правило и исключение, а вытекают из единого морального принципа, более фундаментального, чем правило не лгать [25, 26, 34], из нравственных запретов более высокого системного уровня, обеспечивающих: а) поддержку и развитие положительной кооперации между людьми и б) ограничение тех, кто развивает негативную кооперацию [30].

В целом, эта полемика раскрывает фундаментальные, непримиримые по целому ряду ключевых позиций мировоззренческие противоречия, причем не только между сугубо теоретическими представлениями о должном, но и представлениями о том, какие нравственные принципы должны служить людям ориентирами для построения поведения в реальных жизненных ситуациях и оценки реальных поступков.

В экстремальной, но, увы, вероятной ситуации, когда группа террористов едет захватывать школу и, допустим, сбившись с пути, спрашивает дорогу у прохожего, должен ли он, поняв их цели, но не будучи в состоянии уклониться от ответа, сказать им правду о нахождении детей — поскольку правило не лгать и непротивленчество сохраняют «свою нравственно обязывающую силу в ситуации, когда на твоих глазах злодей занес нож над ребенком» [6, с. 104]? Или оборонительная ложь (если использовать понятие, введенное А. В. Прокофьевым) здесь допустима?

С точки зрения каких нравственных ориентиров следует относиться к историческим событиям: считать ли, например, поступок Ивана Сусанина подвигом или же моральным и правовым преступлением?

Житейский бытовой пример: мы учим ребенка, что подходя к своему дому, надо помахать в окно рукой, делая вид, что в квартире кто-то есть, — чтобы в большей мере обезопасить ребенка от нападения. Совершаем ли мы тем самым моральное преступление против правила правдивости, против человечества в целом и против данного конкретного ребенка?

Не дискредитирует ли морально запрещенное средство (обман) благую цель?

И так далее — эти и множество других примеров показывают, что не только в экстремальных ситуациях борьбы с терроризмом, но и в быту, в социальной повседневности от человека требуется осознанное отношение к сложному вопросу о допустимости и недопустимости оборонительного обмана в условиях столкновения со злом. Подчеркнем — речь здесь идет именно об оборонительном обмане по отношению к злоумышленнику, искажении информации, необходимой ему для преступления, а не о допустимости лжи вообще и даже не о весьма широко понимаемой «лжи во благо», включающей, например, ложь смертельно больному о его диагнозе.

В своем теоретическом рассуждении я буду исходить из высказанных авторами сборника — сторонниками контр- и некантовских парадигм — положений о том, что применение абсолютного морального принципа (в данном случае, принципа правдивости) невозможно без опосредующих моральных суждений, позволяющих учитывать смысл и предметно-содержательную составляющую поступков [3]. В противном случае использование универсальных формальных решений в их приложении к критически важным случаям создает парадоксы, в значительной степени снижающие статус этической теории [7] и даже просто дискредитирующие ее [14]. «Максимальная универсализация максим невозможна, а значит, они могут быть морально обязательными лишь при каких-то дополнительных условиях... Кант — не впадая в очевиднейшие нелепости — не может утверждать, что максима правдивости, наряду с другими моральными максимами, должна применяться без учета каких-то других факторов» [4, с. 148].

В свою очередь, мы будем обосновывать следующие положения.

1. Хотя сторонники кантовской точки зрения рассматриваются в большинстве случаев как абсолютисты (так как они доказывают абсолютность запрета на нарушение абсолютного морального принципа), а оппоненты Канта — как релятивисты (так как они доказывают необходимость применения общих принципов с учетом критически важных условий), сами сторонники Канта с необходимостью осуществляют не менее мощную и масштабную релятивизацию максимы правдивости — но делают это по существу другим (или даже принципиально другим) основаниям, чем их оппоненты. Используемый сторонниками Канта понятийный и методологический аппарат затрудняет выявление этой релятивизации, но не делает его невозможным.

2. Вопреки сложившимся представлениям, можно утверждать: как по ряду теоретических положений, так и по множеству конкретных случаев именно оппоненты Канта занимают более непримиримую позицию по отношению ко лжи и обману, чем его сторонники. Это делает актуальным сравнение ключевых пунктов, по которым: а) оппоненты Канта занимают более непримиримую позицию по отноше-

нию к обману, чем его сторонники; б) наоборот, сторонники Канта занимают более непримиримую позицию по отношению к обману, чем его оппоненты; в) их позиции согласованны.

3. Между двумя типами культурных орудий, организующих жизнь социума, а именно, между двумя типами вербальных моральных суждений, одни из которых выражают моральную норму в «абсолютном виде», а другие оговаривают условия ее применимости/неприменимости в зависимости от иерархии норм и критических условий, существует сложное взаимодействие и взаимная зависимость. Использование только одного из этих видов орудий ведет к парадоксам на теоретическом уровне и может вести к драмам и трагедиям на практическом уровне — реального поведения, организации социальных отношений и взаимодействий.

Раскроем эти положения.

Кантовская допустимость прямой лжи и парадоксы релятивизма

И оппоненты Канта, и часть его сторонников подчеркивают: он считал допустимыми в ряде случаев и прямую ложь, и различные обманные уловки, прямой лжи не использующие. Соответственно, следует согласиться с Э. Ю. Соловьевым: приписывание Канту «незыблемой верности высокому принципу правдивости» — черта «расхожего кантоведения» [31, с. 33].

Остановимся вначале на случаях прямой лжи, допустимой, с точки зрения Канта.

По Канту, если «враг пристает ко мне с ножом к горлу и спрашивает, где я храню деньги» (или — в другом кантовском примере — спрашивает: «Есть ли у тебя деньги?»), то «ложь в таком случае является ответным оружием... Не существует случая, где моя ложь по принуждению была бы оправдана, *за исключением* той ситуации, когда признание вынуждено и я уверен, что другой использует его в несправедных целях» [11, с. 202—204].

Б. Г. Капустин называет эти примеры лжи паразитическими и ставит вопрос: почему в перечисленных случаях, предполагающих лишь ограбление (правда, ограбление лично меня, а не другого человека), Кант считает ложь допустимым «ответным оружием», а в случае со злоумышленником, собирающимся совершить убийство (правда, не меня, а моего друга), Кант настаивает на соблюдении по отношению к злодею принципа правдивости. Обоснованный ответ Б. Г. Капустина состоит в том, что моральный субъект в этической теории Канта характеризуется, среди прочего, «звериным эгоизмом». Например, по Канту, допустимо в ситуации крайней необходимости отнять жизнь у невинного человека для своего собственного спасения. Так, при кораблекрушении можно столкнуть другого «с доски, на которой он спасся, дабы таким образом спасти самого себя» [12, с. 143, 144—146; цит. по: 14, с. 131].

Что касается аргумента лжи как ответного оружия, возникает невольное ощущение заговора молчания сторонников Канта — что они избегают или даже прямо опасаются применять кантовский метод рассуждения к некоторым, кантовским же случаям. А это и есть релятивизм. Грабителя твоих ценностей обмануть можно (и можно — на теоретическом уровне — промолчать о допустимости/недопустимости его обмана). А готовящего убийство человека обмануть нельзя, как и нельзя не высказать публично убежденности, что ложь ему — абсолютное зло.

Причина этого релятивизма, вероятно, в том, что, признав верность метода рассуждения Канта в эссе, следует признать неверным его вывод о допустимости оборонительной лжи как ответного оружия, а признав верность довода о лжи как ответном оружии, надо перестать апологизировать рассуждения эссе.

Сопоставление случаев, в которых Кант считал ложь то недопустимой, то допустимой, позволяет нам сформулировать парадоксы ситуативного изменения нравственного выбора кантовским моральным субъектом в зависимости от определенного изменения внешних обстоятельств. Введем один из таких парадоксов

Парадокс «Драгоценный друг»

Друг домохозяина обнаружил потерянные домохозяином драгоценности и принес их ему домой. Он еще не успел отдать их домохозяину, а лишь сообщил ему радостную весть о найденной пропаже, и тот провел его в одно из помещений дома. Раздается стук в дверь, и домохозяину, открывшему дверь и не могущему уклониться от ответа, злоумышленник честно сообщает следующее.

Вариант А. Я знаю, что к Вам пришел Ваш друг, нашедший Ваши драгоценности. Сообщите мне, где он находится — я собираюсь его убить. Клянусь, что я не трону Ваши драгоценности.

Вариант Б. Я знаю, что к Вам пришел Ваш друг, нашедший Ваши драгоценности. Сообщите мне, где он находится — я собираюсь забрать у него Ваши драгоценности. Клянусь, что я не трону Вашего друга.

Мы помним: Кант считает, что можно солгать злоумышленнику, пытаясь спасти драгоценности, на которые он покушается, но недопустимо лгать злоумышленнику, пытаясь спасти друга, на которого он покушается. Соответственно, в варианте А хозяин обязан сказать правду о местонахождении друга, а в варианте Б о его же местонахождении допустимо солгать. Ведь друг здесь — не просто друг (что не так важно), а временное хранилище драгоценностей домохозяина, и это совершенно меняет дело.

Парадокс «Драгоценный друг» показывает, как в теории, постулирующей абсолютность нормы и, соответственно, абсолютную незначимость различий между какими бы то ни было ситуациями ее применения, происходит измена этой абсолютной норме — причем при изменении даже не всей ситуации, а ее фрагмента: спросив, где находится друг, злоумышленник уточняет, для совершения какого именно

преступления ему требуется этот друг в качестве жертвы. Если для ограбления и присвоения драгоценностей хозяина, то злодею можно солгать, а если для убийства друга, то лгать недопустимо.

Тем самым мы получаем ответ на вопрос, есть ли в кантовской этике значимый другой, существенно влияющий на наши решения. Ряд авторов доказывает, что его нет. Можно добавить — нет в явном виде. Но в скрытом виде этот другой есть — вот он. Это злоумышленник, от слов которого, хочет ли он забрать ценности или убить, решающим образом зависит экзистенциальный выбор «лгать или не лгать» — причем этот выбор кантовским моральным субъектом делается *не в пользу жизни*.

Кроме того, парадокс «Драгоценный друг» четко показывает: в рассматриваемой системе материальные ценности оказываются стоящими выше ценности жизни друга. Это не только согласуется с тем, что в кантовской этике «нуждающийся и обнаруживающий свою нужду друг обладает невысокой ценностью» [3, с. 50], но и демонстрирует псевдоценность в ней друга как такового. И это при том, что Кант представляет ценности дружбы как одни из важнейших.

Особый вопрос — почему Кант допустил (создал) такие противоречия в своей этической системе.

Т. И. Ойзерман считает основной причиной присутствующую великую философскую систему амбивалентность, противоречивость, несогласованность основных положений, отражающую амбивалентность познания и нравственности [22]. С этим согласуется мнение Б. Г. Капустина, что противоречия у Канта — это момент развития его теории [14].

С другой стороны, В. В. Васильев [4] цитирует высказывание лауреата Международной Кантовской премии Г. Эллингсона о том, что публикация эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» была главной ошибкой Канта, исказившей картину его моральной теории. Возможную причину этой ошибки Э. Ю. Соловьев видит в пожилом возрасте Канта, в «инерции усталого ума» [31, с. 33]. Этот довод никак нельзя сбрасывать со счетов — к сожалению, бывают случаи, когда автор забывает не только отдельные положения своей теории, но и факт написания им целых произведений.

Проблема в случае с эссе Канта состоит в следующем. Кант отвечает на текст Констанана — тот критически написал о некоем «немецком философе», который «дошел до того, что утверждает, будто солгать в ответ на вопрос злоумышленника, не скрылся ли в нашем доме преследуемый им наш друг, — было бы преступлением» (Констанан, цит. по: [13, с. 232]). Кант принимает критику не названного Констананом «немецкого философа» на свой счет («Признаю, что это действительно было мною высказано в каком-то месте, которого я, однако, теперь не могу вспомнить») и резко отвечает Констанану, называя его в дальнейшем тексте эссе аналогично — «французским философом».

Но похоже, что Кант ошибочно (возможно, в силу пожилого возраста и «инерции усталого ума»)

принял критику на свой счет. В пользу этого свидетельствует следующее. Трудно пожаловаться на малое число исследователей и слабую изученность текстов Канта за последние 200 лет — но среди этих текстов до сих пор не найдено того исходного кантовского произведения, в котором Кант до Констанана описал бы этот случай лжи злоумышленнику и развернул то рассуждение о необходимости правдивости даже по отношению к злодею, за которые Констанан критикует некоего «немецкого философа». Устные утверждения (например, К. Фр. Крамер утверждал, что сам Констанан сказал ему, что имел в виду Канта) здесь явно недостаточны. При опоре на устные высказывания, да еще переданные третьим лицом, велика вероятность ошибок, добросовестных заблуждений, влияние желания представить ситуацию в определенном свете у хотя бы одного участника переказа и т. п.

Итак, до сих пор не обнаружено текста о злоумышленнике, которому надо сказать правду о местонахождении друга, написанного Кантом до статьи Констанана. Нет и библиографических ссылок ни Канта, ни других авторов на этот якобы существовавший текст Канта с указанием хоть какого-то исходного источника (названия произведения, издания, года и т. д.). Тем не менее более ранний текст с обоснованием идеи недопустимости лжи злоумышленнику, действительно, существовал, но написал его другой немецкий автор — И. Д. Михаэлис [1, с. 196] (см. также комментарии к [13]). Канта же, «похоже, подвела память» [4, с. 149], и на самом деле он не писал до Констанана такого текста. Если это так (а до тех пор, пока не будет найден лишь гипотетически существующий исходный кантовский текст, именно это приходится считать самым вероятным), Кант попал в ловушку мнимого «опponentного круга» — если использовать здесь термин М. Г. Ярошевского [33]. То есть Кант написал эссе и проработал аргументацию, яростно обсуждаемую уже более двухсот лет, в ответ на критику, не против него, Канта, направленную. Удивительнейший казус! Другое дело, что теоретические заделы для этой аргументации у Канта уже имелись, и констанановский пример позволял Канту развернуть важные для него доводы «о независимости последствий поступка от самого этого поступка» [4, с. 149].

Предельные испытания долгом правдивости: случаи Канта и Макинтайра

А. А. Гусейнов подчеркивает, что случай Канта «представляет собой иллюстрацию, схематическое изображение идеи долга, выступающей в конкретной форме запрета на ложь в ситуациях, когда человек не может уклониться от определенного ответа и когда неправда, к которой его принуждают, направлена на то, чтобы спасти кого-то от страшного злодеяния». Эта иллюстрация призвана показать, что запрет на ложь «следует соблюдать даже в тех крайних случаях, когда с точки зрения здравого смысла это

кажется совершенно абсурдным» [6, с. 103–104]. Об этом же пишет Н. М. Сидорова: случай Канта моделирует «каркас ситуации предельного выбора», он позволяет выяснить, «выдержит ли внутренняя конструкция категорического императива такое испытание — говорить правду всем, всегда и везде, не взирая ни на какую опасность» [29, с. 182].

Но действительно ли пример Канта — предельное испытание долгом правдивости? Нет, есть случаи более экстремальные.

О. В. Артемьева и А. В. Прокофьев воспроизводят описание ситуации, представленной А. Макинтайром [34].

«Во время фашистской оккупации Голландии одна домохозяйка укрывала у себя дома ребенка из соседской еврейской семьи с обещанием заботиться о нем... На вопрос посетившего ее нацистского чиновника о том, все ли дети, находящиеся в ее доме, являются ее собственными детьми, она солгала, ответив утвердительно. Как и в примере Канта-Констана, домохозяйка не могла избежать дачи показаний в форме «да-нет», как не могла избрать умолчание в качестве морально легитимного способа действия» [3, с. 55].

Подчеркнем — случай «домохозяйка и нацист» способен представлять иллюстрацию и схематическое изображение идеи долга, ничуть не уступая при этом ни по иллюстративности, ни по схематичности случаю Константа-Канта. И тема инфантицида, и его реальные практики сопоставимы по древности (если не древнее) темы и практик предоставления убежища собственниками жилищ. Случай домохозяйки в примере Макинтайра и случай домохозяина в примере Канта, как минимум, равноценны по архетипичности и обобщающей силе. Но по ряду важных признаков эти ситуации могут быть противопоставлены.

Э. Ю. Соловьев совершенно справедливо указывает, что единственный акт правдивости, которого заслуживают правонарушители, в том числе злоумышленник из примера Канта, — честное осуждение, усомнение и вразумление [31, с. 28]. Но в примере Макинтайра и попытка усомнить представителя тиранического правосудия, и отказ от ответа ему связаны с очевидным огромным риском для жизни ребенка.

Также случаи Канта и Макинтайра очень существенно различаются составом участников. Покажем это, оперевшись на типологию Р. Г. Апресяна. Она основана на проведении различий: а) между типами преследователей, и б) между типами преследуемых.

Что касается преследователей, в случае «домохозяйка и нацист» моральному субъекту, принимающему решение, противостоит не просто злоумышленник, чей статус убийцы дискутируется разными авторами в кантовском случае (то ли убийца, то ли нет), а представитель большой преступной группы настоящих убийц. Эта группа уже совершила множество зверских массовых убийств и собирается совершать их вплоть до так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Таким образом, по па-

раметру «тип преследователя» случай Макинтайра намного экстремальнее, чем случай Канта.

Что же касается стороны преследуемого, то это совсем не тот субъект, которому можно сказать, хоть бы и мысленно: «Ты не можешь требовать от меня измены долгу правдивости ради своего, весьма проблематичного, прямо скажем, спасения. Поймешь, когда вырастешь — если вырастешь», — и правдиво ответить на вопрос убийцы. Преследуемый здесь — это субъект, никак не равный домохозяину по интеллектуальному и правовому статусу; не способный защитить себя и именно поэтому опекаемый; недееспособный, но правоспособный (в том числе, имеющий право на жизнь, отрицаемое преступной группой). Невинный ребенок — и этим сказано все (но не для сторонников Канта). Таким образом, случай домохозяйки и нациста уже напрямую, очевидным образом противопоставляет:

а) аргументацию сторонников Канта о соблюдении правила правдивости как долге перед будущим человечества;

б) аргументацию, идущую от Ф. М. Достоевского, о невозможности построения будущего счастья человечества на слезе одного ребенка (о том, чтобы отдать этого ребенка на истязания и смерть — пусть и выполняя долг перед будущим человечеством, Ф. М. Достоевский даже не стал поднимать вопроса).

Но с точки зрения последователей Канта, эти два аргумента вовсе не противопоставлены друг другу. Для случая домохозяйки и нациста со стороны этих кантианцев, по идее, должно последовать казуистическое рассуждение, что, сказав нацисту правду, домохозяйка вовсе не предает ребенка. (Сторонница Канта Н. М. Сидорова специально подчеркивает предосудительность замены нейтрального выражения «сказать правду» оценочным «предать».) Однако я не берусь предсказывать содержательный характер этой аргументации в данном случае. Тезис в духе «нетрудно предположить массу вероятностей, которые могут спасти ребенка, если соблюдать долг правдивости» здесь вряд ли будет адекватен.

В аллегорической повести Ф. Искандера «Кролики и удавы» описан тип нравственных рассуждений, противоположный кантовскому. Положительный персонаж (крот) обманывает убийцу (удава), отправляя его не по той дороге, которая ведет к жертве (кролику). При этом мудрый крот, похоже, знает, что удав кролика *почти наверняка найдет*. Это, а также ряд других обстоятельств делает его обман вообще практически бессмысленным, что подчеркивается в тексте. Но крот, в оппозиции и к логике Канта, и к расчету вероятностей, все равно идет на этот обман, и убийца находит жертву на несколько часов позже. По-искандеровски афористическое объяснение дается в тексте: «Но если мудрость бессильна творить добро, она делает единственное, что может, — она удлиняет путь зла» [9].

Случай крота и удава — аллегория многих других случаев, в том числе случая «домохозяйка и нацист».

Возвращаясь к случаю Макинтайра, можно заметить, что у него есть важные аспекты и помимо пере-

численных. В целом, его следует оценить как более экстремальный, а значит, более способный служить тестом выполнимости категорического императива, чем случай Канта.

Однако возможности его анализа проигнорированы в статьях сторонников Канта (по крайней мере, в статьях первого выпуска сборника «О праве лгать») — за одним важным в своей показательности исключением. А именно, О. П. Зубец, обращаясь к этому случаю, начинает проводить рассуждение о не учитываемых противниками Канта возможностях сужения и расширения тех или иных масштабов оценки ситуации — временных, исторических и пр., о неясности критериев отделения существенного от несущественного и т. д. Это означает, что сторонник Канта явно релятивизирует оценки. Ведь ссылки на возможность их изменения в зависимости от выбранных масштабов, критериев и т. д. как раз и выражают сущность релятивизации.

В результате этой релятивизирующей деятельности О. П. Зубец приходит к следующему заключению. «Пути совершающего поступок и самого поступка расходятся: поступок утрачивает свой лично-нравственный статус, свою героичку, так как утрачивает своего субъекта — и в этом смысле он уже не может быть ложью как моральным явлением — и соответственно не может быть оправданной ложью. Отчужденный от своего поступка человек уже более не является моральным субъектом, несущим ответственность за избранную ложь» [8, с. 97].

Здесь возникает проблема, связанная не с явной, а уже со скрытой релятивизацией. Дело в том, что если данный способ рассуждения и вывод верен (в чем я лично сомневаюсь), то их в соответствии с универсалистскими установками следует перенести и на анализ случая Канта и, соответственно, сделать точно такой же вывод, какой делает О. П. Зубец для случая голландской женщины. А именно: солгавший домохозяин — не лжец и преступник, каким его видит Кант и его сторонники, а совсем другое — субъект, не являющийся моральным и, соответственно, не несущий ответственности за избранную ложь. При последовательном рассуждении это должно служить основанием для закрытия темы с ликвидацией всего предмета обсуждения.

Мне же представляются более точными оценки О. В. Артемьевой и Б. Г. Капустина. В соответствии с ними домохозяйка вовсе не подлец, не имеющий мужества сказать правду, и не преступник, санкционирующий бесправие (так сторонники Канта характеризуют домохозяина, солгавшего убийце в случае Канта), и даже не субъект, не несущий ответственности за собственную ложь. Я согласен с О. В. Артемьевой: «обычный человек с неискаженным слабостью воли моральным сознанием скорее всего оценит поступок домохозяйки как героический» [3, с. 55]. «В “констановской [и в макинтайровской — А. П.] ситуации” практикой свободы могла быть только защита гостя от агрессии злодея, *хотя бы* нравственной правдой дезинформации его о местонахождении

жертвы. При этом нравственным долгом домохозяина было бы принять на себя все опасности, “коренящиеся в нашей ситуации”, и риски, связанные с его благородным поступком» [14, с. 141].

Здесь, однако, следует учесть комментарий А. Е. Войскунского: за укрывательство еврея полагалась безоговорочная смерть самого укрывателя — в данном случае, этой женщины, а ее смерть могла к тому же повлечь гибель ее собственных детей, оставшихся без матери. Таким образом, совершив альтруистический поступок и взяв в свой дом ребенка-еврея, голландская женщина фактически обрекла себя на необходимость лжи в ряде ситуаций — в том числе лжи из чувства самосохранения. И здесь мы опять приходим к парадоксу — ведь ложь-то для спасения собственной жизни, по Канту, вполне допустима. Если бы за укрывательство еврея смерть не полагалась, и домохозяйка солгала бы просто из желания спасти чужого ребенка, это полностью подпадало бы под констановский случай с жестким выводом Канта о лжи как о преступлении. А вот если она солгала, спасая собственную, а не чужую жизнь, то оценка этого поступка в соответствии с теорией Канта мягче — это допустимая ложь.

Обман без прямой лжи

Обратимся к рассмотрению обманных уловок без использования прямой лжи, которые Кант считал допустимыми. Они призваны иными средствами, чем прямая ложь, создать у другого человека искаженную картину реальности или ее фрагментов. «Я могу притворяться, могу делать такое высказывание, из которых другой сделает выводы, угодные мне» [11, с. 202], но, это, по Канту, не считается обманом и нарушением долга, поскольку данные выводы «сделаны другими *самостоятельно*, с помощью их собственной рациональной способности, хотя и на основе отсортированной и специально оформленной информации» [26, с. 79].

Вот пример такой уловки, осуществленной самим Кантом. В ответ на требование Фридриха-Вильгельма II воздержаться от критики христианства он послал этому монарху (скорую смерть которого он предполагал) послание с фразой: «Как верноподданный Вашего Величества, я в будущем полностью прекращаю все публичные лекции или выступления по вопросу религии». «Прусские цензоры и король восприняли эти слова Канта как обещание навсегда отказаться от публичного изложения своих мыслей по поводу религии, в то время как Кант отказался от этого лишь в качестве верноподданного Фридриха-Вильгельма II. И сразу после смерти последнего посчитал себя свободным от данного обещания» [3, с. 41].

Но А. П. Скрипник подчеркивает: «своим обещанием не высказываться по религиозным вопросам Кант не избежал обмана, а сделал его менее доступным для изобличения. Объектом обмана здесь стало публичное мнение» [30, с. 193]. Добавим — почувствовать себя обманутым Кантом могло не только пуб-

личное мнение в лице цензоров, а также и лиц, почему-либо веривших в безусловную правдивость и искренность Канта, но и тот, к кому обращено послание. Если бы кто-то из искусственных членов окружения монарха, предположив уловку, сообщил ему о ней, он вряд ли расценил бы ее как следование принципу искренности и правдивости.

Действия Канта можно расценить как обман доверия (или злоупотребление доверием) — но не в юридическом, а более широком смысле. Ведь не применяя к Канту санкций, а пока лишь обращаясь к нему с определенным требованием и демонстрируя готовность принять соответствующие обещания, Фридрих-Вильгельм II предполагал существование неких рамочных доверительных отношений. Поэтому он сам или кто-то из его окружения мог бы расценить действия Канта не просто как обман, а сильнее — как вероломство.

Здесь важно сопоставить действия Канта по отношению к своему монарху с действиями декабристов, которые сторонниками Канта предлагаются в качестве морального образца. «Декабристы на допросах называли имена других участников заговора не из трусости и подлости, а от внутренней невозможности солгать... Число пострадавших ... возрастало. Но для декабристов ложь, тем более своему государю, вызывала крушение всего мира ценностей, моральную гибель...» [29, с. 184–185].

Учитывая практику самого Канта, представляется, что его современные сторонники могли бы проанализировать и выразить отношение к двум следующим альтернативам.

а) Нереализованная альтернатива: подобно Канту, который пошел на обманную уловку во взаимодействии с монархом, спасая возможность своего интеллектуального творчества, декабристы тоже могли бы все-таки пойти на какие-то обманные уловки, спасая своих соратников от государева смертного приговора, и в этом не было бы ничего предосудительного, раз уже такое делал философ — автор образцовой этической системы.

б) Декабристы на обманные уловки с государем в реальности не пошли (кто знает, может быть, и прочитав кантовское эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»), а сам Кант пошел — следовательно, у него более низкие представления о чести, и он — представитель 2-й, критикуемой этической системы, по В. А. Лефевру.

Но осуществив, очевидно, скрытую релятивизацию оценок, сторонники Канта избегают данного принципиально важного сопоставления.

При этом следует понимать, что обманый прием Канта осуществлен в рамках противостояния сильному миру сего, выдвигающему несправедливые требования по отношению к более социально слабому. Но этот же прием должен быть однозначно осужден в ситуациях, когда социально более сильные так обманывают более слабых.

Современная российская реальность перенасыщена ситуациями, когда организаторы мошенни-

ществ — финансовых пирамид, контор по торговле недвижимостью, лотерей-«лохотронов» и т. д., и т. п. (в целом, «активно атакующее зло») обманывают более слабых — например, пожилых людей из незащищенных социальных слоев. При этом злоумышленники часто застрахованы тем, что *не используют прямой лжи* в своих коммерческих предложениях и текстах заключаемых договоров. Они применяют множество других приемов: используют мелкий шрифт *правдивого текста* (грубый способ, быстро ставший известным) и прочие приемы — всего не перечислить. А пожилые люди, оставаясь формально дееспособными, испытывают в силу объективных, естественных причин трудности с концентрацией и распределением внимания, памятью, имеют отчасти сниженную способность рассуждать, обладают повышенной доверчивостью. Они оказываются не в состоянии ни отследить эти уловки, ни даже предположить их.

К этим случаям обмана не применимо суждение Канта: если хитрец умышленно предоставил другому сведения так, что тот сам сделал из них неверные выводы, выгодные хитрецу, то обмана-то здесь и нет, это морально допустимая ситуация. Данное суждение, конечно же, поддержали бы вышеназванные мошенники — может быть, и добавив на своем языке: «Лох сам виноват, лоха надо учить».

Можно поставить проблему в более общем виде. В современной теории контрактов доказана невозможность так называемого полного, или совершенного контракта (*perfect contract*), который предусматривал бы абсолютно все возможные варианты развития событий, действий сторон и санкции за них [16]. Агент, более знающий и компетентный, чем клиент (иначе клиент к нему не обратился бы) всегда имеет объективную возможность использовать преимущества своей компетентности (знаний, информированности) в ущерб клиенту, не нарушая формально условий заключенного, всегда несовершенного контракта. Мы видим этому многочисленные подтверждения. Представляется, что злонамеренное использование возможностей, объективно предоставляемых несовершенным контрактом, делает невозможным любые договоренности и подрывает право не в меньшей, а может быть, и в большей мере и на значительно более глубоком уровне, чем это делает прямая вербальная ложь. Прямые лживые утверждения все-таки можно так или иначе проверить. Борьба же с вероломством, основанным на использовании всегда имеющейся неполноты договоренностей, в высшей степени трудно; все решения здесь паллиативны. Вероятно, моральную недопустимость такого вероломства можно обосновать, воспользовавшись кантовским же методом универсализации максим, который окажется здесь очень полезным.

Рассмотрим другие примеры обмана, который сторонники Канта считают допустимыми.

В духе этики Канта А. А. Гусейнов предлагает ограничить действие нормы «Не лги» пространством речи (т. е. сохранить моральный запрет лишь на вер-

бальную ложь), и целый ряд действий и поступков считать не обманом, а следствием социоприродной необходимости. Это, например, такие действия: «уезжающий надолго домохозяин создает иллюзию, будто кто-то находится в доме, чтобы не соблазнять воров, или сооружает секретные замки» [6, с. 116].

Подчеркнем: можно вполне согласиться с моральной допустимостью указанных действий — с той однако оговоркой, что это все-таки обман, но оборонительный, а потому и допустим. Как и к любому обману, к этим действиям полностью применимо рассуждение Канта о том, что, совершив их, человек инициирует цепь непредсказуемых катастрофических следствий, за которые несет ответственность. Например, другой человек (может быть, даже родственник домохозяина), нуждающийся в помощи по состоянию здоровья или же спасающийся от злоумышленников, спешит к дому, где, как ему кажется, есть люди, но тщетно — на пороге этого дома его ждет смерть. Точно так же можно описать ситуации, когда секретные замки, воплощающие идею не только секретности, но и обмана (например, создающие иллюзию другого устройства, иного расположения своих конструктивных частей и т. д., чем есть на самом деле), приводят к драматическим и трагическим последствиям, за которые владелец несет моральную и правовую ответственность.

Итак, есть поступки, которые Кант и его последователи, релятивизируя моральные нормы, рассматривают как допустимый обман или же не считают обманом вообще. Подведем промежуточный итог и перечислим некоторые из оснований этой релятивизации.

Сам Кант релятивизирует правило правдивости в зависимости от того: а) является ли ложь средством спасения другого человека или же своих материальных ценностей (во втором случае ложь допустима); б) направлена ли ложь на обманщика, ранее солгавшего субъекту морального выбора (здесь ложь по отношению к нарушителю морали справедлива, хотя в целом и не похвальна), или же на нарушителя морали, выбравшего в качестве жертвы кого-то другого (здесь ложь совершенно недопустима); в) солгал ли человек в речи или же применял более изощренные формы обмана, не использующие прямых лживых высказываний (второе допустимо).

Отметим критерии релятивизации, осуществляемой сторонниками Канта. Н. М. Сидорова релятивизирует норму «не лги» по критерию кровного родства между беглецом и субъектом морального выбора. Близких родственников, «которых, по логике Канта, якобы тоже надо выдать убийцам», выдавать им не надо — «в случае кровного родства категорический императив может оказаться бессильным» [29, с. 181]. Иначе говоря, можно солгать убийце (похитителю, педофилу и т. д.) о местонахождении своего ребенка, а о местонахождении чужого ребенка надо сказать правду (это еще одно подтверждение звериного эгоизма кантовского морального субъекта).

О. П. Зубец релятивизирует норму правдивости в зависимости от временных и исторических масштабов оценки ситуации.

А. А. Гусейнов проводит релятивизацию по критерию используемых средств: обман с помощью вербальных средств абсолютно недопустим, с помощью других средств — бывает допустим. Последнее показывает инверсию существенного и несущественного в этике Канта: в ней не проводятся различия между злодеем и его жертвой, но зато предлагается провести различия по значительно менее важному критерию используемых при обмане средств.

Доказывая недопустимость обмана в областях, помимо им выделенных, А. А. Гусейнов пишет, что «камень, выпущенный из руки, принадлежит дьяволу» [6, с. 109]. В системе Канта этим камнем оказывается релятивизирующее признание тех случаев, когда лгать можно, и тех, когда нельзя.

Во многих случаях с предлагаемыми версиями релятивизации оппоненты Канта — сторонники допустимости оборонительного обмана, и только его, не могут согласиться и занимают по отношению к обману более непримиримую позицию. В тех же случаях, когда согласие между сторонниками и оппонентами Канта возможно, оно зиждется для каждой из сторон на разных основаниях.

Агностицизм, релятивизм и использование математики

В. В. Васильев анализирует ключевое допущение этической доктрины Канта: в ней постулируется лишь случайная связь между действиями и их последствиями, а потому, если правдивые высказывания привели к страданиям каких-то людей, это никак не может быть вменено сказавшему правду. Но для столь выраженного агностицизма нет оснований в самой кантовской философии: В. В. Васильев убедительно доказывает, что согласно ее собственным общим принципам, между поступками человека и их последствиями имеется не случайная, а необходимая связь [4]. Это еще одно сущностное противоречие кантовской системы.

Мы же остановимся на следующей внешне парадоксальной особенности рассуждений сторонников Канта. В своей аргументации они значительно больше, чем их оппоненты, опираются на физико-математические метафоры и модели (преимущественно простые), описывающие однозначные, жесткие и неизменные связи между объектами, — как бы полагая, что здесь-то относительность и условность наших знаний и предсказаний уменьшается, а может, и исчезает вообще.

Но именно физические и математические теории относятся к тем, в которых относительность одной части допущений, ограничений, основных и вспомогательных положений обязательно выступает в явном виде (автор теории прописывает их экспликацию, и читатели могут с ней ознакомиться), а относительность другой части обнаруживается при развитии теории самим автором, его последователями и оппонентами — часто с выявлением неразрешимых противоречий моделей предшествующего уровня.

Учитывая это, представляется важным проанализировать использование физико-математических метафор и моделей сторонниками Канта.

А. А. Гусейнов считает, что рассуждения Канта сохраняют силу в этике приблизительно так же, как законы Ньютона в физике: «нигде не найти тел, которые не испытывали бы сопротивления, которые бы двигались равномерно. Но это не отменяет самого закона Ньютона. Так и ... с законом «Не лги» [6, с. 109]. Не вдаваясь в многократно проанализированные отношения между теорией Ньютона и теорией относительности Эйнштейна, здесь следует упомянуть открытый относительно недавно факт *фундаментальной внутренней противоречивости самой теории Ньютона*. Эта противоречивость раскрывается в так называемой задаче пяти тел. «Лаплас считал: законы Ньютона настолько точно отражают действительность, что на долю ученых следующих поколений только и остается извлекать их замечательные следствия. Одно из них, открытое лет пятнадцать назад, состоит в том, что если бы во Вселенной действовали только закон всемирного тяготения и законы классической механики, то можно было бы так разместить пять тел, что они бы разлетелись бесконечно далеко... за конечное время». Но — парадокс — такое невозможно в соответствии с самой теорией Ньютона. Это означает, что «даже такие великие модели реальности, как открытые Ньютоном законы, имеют ... ограниченную область применимости» [20].

Итак, даже в теории Ньютона при анализе взаимодействий между несколькими (пятью) объектами обнаруживаются противоречия и парадоксы. Это должно быть как-то учтено при анализе исполнения моральных законов людьми в ситуации социального взаимодействия нескольких субъектов, если уж мы взяли за основу предположение, что исполнение моральных законов аналогично выполнению законов Ньютона в физике.

Есть ли в данной ньютоновской этической теории разница между разными «телами»: злоумышленником и другом; между нацистом, убивающим детей, и спасаемым ребенком; между «профессиональным мошенником-авантюристом и тем, кто умер под пыткой, настаивая на том, что впервые в жизни видит своего соратника» [30, с. 191], и т. д.? Ответы сторонников теории: «Разницы между ними нет, она не больше, чем между пунктами А и В в математической задаче» [6, с. 110]. «Не меняем же мы в конце концов сумму углов треугольника со 180 на 181 или 179» градусов, видоизменяя и подгоняя эти суммы под конкретные ситуации! (См.: [29, с. 180].) Точно так же не надо менять и способ рассуждения, поддаваясь на доводы оппонентов Канта, приводящих «очередной слезный пример», по выражению Н. М. Сидоровой.

Дело не в слезных примерах. Проблема в том, что этическая теория, в которой эмпирическим различиям злодея и невинной жертвы нет никаких соответствий на теоретическом уровне; этическая теория, не только не имеющая, но и, более того, не жела-

ющая иметь аппарат для такого рода различий, выбрала слишком уж редуцирующую теоретическую простоту.

Вернемся к геометрии: сторонники Канта, убежденные в неизбежности метафоры суммы углов треугольника и неизбежности самой этой суммы, упускают из вида, что она равна 180° только на плоской поверхности (в системе Евклида), а на более сложных поверхностях эти суммы другие, они изменяются и зависят от типа поверхности (что описано в разных неевклидовых геометриях). Но сторонники Канта не меняют эту сумму нигде — для них это вопрос принципа.

В целом, учет сложности взаимодействий (между физическими объектами, между моральными субъектами) представляется сторонниками Канта как уступка здравому смыслу, снижающая уровень теории. А неспособность (неготовность, нежелание) учесть эту сложность рассматривается как достоинство. Сторонники Канта с гордостью подчеркивают, что они и не должны учитывать реальность, поскольку сущее не тождественно должному. На самом деле они отказываются учитывать не реальность, а сложность.

Попытка сторонников Канта перейти к более сложной математической теории связана с не имеющей непосредственного отношения к Канту моделью двух этических систем В. А. Лефевра. Приверженец 1-й этической системы будет вести переговоры с террористами, захватившими небольшой самолет [17, с. 119], и не будет на переговорах лгать.

Но в настоящий момент В. А. Лефевр в своей модели не дает развернутых логико-математических выводов о том, как будет вести себя приверженец 1-й этической системы (и не изменится ли сама эта система) в ситуации пришедшего массового зла, уже делом доказавшего свою готовность к неограниченному массовым убийствам. Ведь даже аллегорический дракон, пришедший в начале времен обеих этических систем В. А. Лефевра — это не серийный убийца (а такое миролюбие для драконов скорее редкость). Он убил только одного человека, вышедшего ему навстречу из города, сразу исчез и больше никогда в истории не появлялся [18, с. 24–26]. Террористы в примере захватили небольшой (!) самолет, и ничего не говорится о том, убили ли они кого-нибудь и собираются ли убивать вообще. А среди нормативных индивидов, выделяемых в теории В. А. Лефевра, есть 4 типа — жертвенные индивиды (святой и герой), нежертвенные индивиды (обыватель и лицемер), но серийные убийцы, объединившиеся в группы, здесь опять-таки не представлены.

Соответственно, у нас нет информации, что математическая теория рефлексии В. А. Лефевра скажет, например, о нравственном поведении домохозяйки при столкновении с нацистом из примера Макинтайра. Домохозяйка знает состояние мира (нацисты уже совершили множество массовых убийств, они это не скрывают, а делают подчеркнуто демонстративно) и рефлексиирует свои этически-просветительские возможности в отношении вразумления нациста (свои

возможности изменения «доктрины противника посредством его обучения», в терминах В. А. Лефевра). У нее есть все основания полагать, что в своей практике геноцида он сталкивался с самыми разными аргументами, но раз он теперь здесь, перед ее домом и задает свой вопрос о детях, эти аргументы его не убедили. Как такая рефлексия домохозяйки повлияет на ее моральный выбор? С одной стороны, если она — приверженец 1-й этической системы, то должна вступить в переговоры и не лгать. С другой стороны, опять-таки как приверженец 1-й этической системы, она убеждена, что даже «одно убийство ради счастья всего человечества есть зло.., отказ от убийства, даже если это убийство может принести счастье всему человечеству, есть добро» [17, с. 145], а сказать правду нацисту означает способствовать убийству ребенка. Для приверженца 1-й этической системы здесь явно должна возникнуть дилемма, возможно, неразрешимая, и это требует особого рассмотрения, чего Н. М. Сидорова не делает.

Отдельный вопрос — соотношение типов, населяющих этические системы В. А. Лефевра, и моральных субъектов по Канту. Н. М. Сидорова пишет, что в модели В. А. Лефевра для выживания социума нужна критическая масса приверженцев 1-й этической системы. Но, апологизируя этику Канта, она не ставит следующего вопроса. Какая критическая масса моральных субъектов, готовых — следуя Канту — при необходимости столкнуть утопающего с доски, лгать, спасая свои ценности и т. д., для социума гибельна?

Таким образом, в какой степени математическая модель В. А. Лефевра подтвердит или опровергнет редуцирующую простоту идей последователей Канта, остается под вопросом.

Несмотря на тенденцию использования математических моделей, метафор и аллегорий, сторонники Канта почему-то не предлагают математических обобщений непосредственно для рассматриваемого случая Канта — тех самых обобщений, которые позволяют все четче и острее моделировать «каркас ситуации предельного выбора». Мне кажется важным предложить одно из таких обобщений, сыграв по правилам логики сторонников Канта. Оно не абсолютно предельно (возможности еще есть), но по отношению к нему случай Канта является лишь конкретизацией. Возврат к этому случаю при отказе от предлагаемого обобщения представлялся бы проявлением логической непоследовательности и морального релятивизма, предпочитающего отбирать те или иные частные ситуации, игнорируя стоящую за ними сущность. (Этот упрек полностью аналогичен тому, который сторонники Канта выдвигают против его оппонентов: не надо, мол, пытаться обосновать особость случая со злоумышленником в ряду других случаев лжи, осуждаемых Кантом, — например, лжи заемщика кредитору.) Будем надеяться, что сторонники Канта не начнут вдруг сами настаивать на особости случая Канта в ряду предлагаемых ситуаций.

Итак,

Обобщенное следствие Канта для множества друзей (для N друзей)

Если некто знает о расположении своих друзей, прячущихся от убийц в разных местах, то каждый раз, когда убийцы являются к нему с честным сообщением об очередном убитом друге, материальными подтверждениями убийства и вопросом, где находится следующий (k + 1-й) друг, обещая его тоже убить, то этот некто, будучи не в состоянии ни предупредить будущих жертв (находясь, например, в заточении), ни уклониться от ответа, должен честно отвечать на вопрос (ибо запрет на ложь абсолютен, и лгать нельзя никому и никогда).

Процедура повторяется до тех пор, пока не кончатся все друзья.

Ситуация оказывается особенно трагичной, если этот некто — друг всему человечеству, каким и должен быть моральный, по Канту, субъект.

Представляется, что данное обобщенное следствие важно сразу во множестве отношений.

Оно хорошо иллюстрирует тезис Канта: «Правдивость в высказываниях, от которых нельзя уклониться, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, *сколь бы велик ни был вред, проистекающий от этого для него или для кого-то другого*» [цит по: 4, с. 145; курсив мой — А. П]. В. В. Васильев, который привел эту цитату, предлагает повторить ее несколько раз, чтобы понять ее смысл. Предлагаемое обобщение отчасти поможет этому пониманию.

Сторонники Канта также могут попробовать обосновать тезис, что приверженец 1-й этической системы и в такой предельной ситуации ни разу не солжет о местонахождении своих друзей, и внесут тем самым вклад в математическую теорию В. А. Лефевра.

Наконец, предлагаемое обобщение позволит сторонникам Канта поднять на новый уровень аргументации агностицизма и познавательного релятивизма о случайности и катастрофичности инициированных событий в случае лжи уже серийным убийцам людей, и, соответственно, о череде чудес в случае, если персонаж будет с этими убийцами правдив.

Заключение

В данной статье мы развернули аргументацию, свидетельствующую, что сторонники кантовской точки зрения — «абсолютисты» осуществляют мощную и масштабную релятивизацию максимы правдивости и занимают как по ряду теоретических положений, так и по множеству конкретных случаев более конформистскую позицию по отношению ко лжи и обману, чем оппоненты Канта — «релятивисты».

Противостояние «абсолютистов» и «релятивистов» в полемике о нравственном принципе правдивости можно интерпретировать с разных точек зрения. Представляется, что одна из таких возможных точек зрения — рассмотрение данной полемики как диалога сторонников *редукционистского и холистического*

ческого (целостного) методологических подходов, но с важными дополнениями, о которых будет сказано. Понятие «редукционистский» используется здесь не в отрицательном оценочном смысле, а в нейтральном — как характеристика общих методологических установок и используемого исследовательского аппарата. В дальнейшем рассуждении я пытаюсь занять позицию как бы со стороны, пытаюсь отстраниться по возможности и от своей приверженности холистическому подходу, и от убежденности, что кантовское правило не лгать насыщено противоречиями на теоретическом уровне и может вести к трагедиям в эмпирической реальности. Но делаю это с пониманием, что полное абстрагирование от уже осуществленного парадигмального и мировоззренческого выбора, естественно, невозможно.

Редукционистский подход исходит из существования немногих принципов, из которых можно вывести *все* более конкретные принципы и частные случаи. Здесь доминирует дедуктивный стиль мышления, идущий от общего правила к конкретным случаям и «противящийся» случаям, которые под правила не подпадают. Индуктивные рассуждения рассматриваются как методологически предосудительные, низкого уровня. Рассмотрение сложных взаимодействий минимизируется или не осуществляется вообще — например, за счет того, что в явном виде вводится аксиома отсутствия взаимодействий между изучаемыми сущностями. В системе Канта не могут конфликтовать между собой абсолютные обязанности, в современной теории принятия решений, реализующей редукционистский подход, имеется аксиома, которая исключает возможность взаимодействия между исходами (последствиями) [15, с. 95], и т. д.

Холистический подход стремится охватить в целостной картине все многообразие объектов, их связей и взаимодействий, в том числе и тех, которые выглядят конфликтующими, противоречивыми и взаимоисключающими, что создает многозначный контекст [27]. Индуктивные рассуждения не считаются более низкими по уровню, чем дедуктивные. Предмет отрефлексированного интереса — отклонения от априорно заданной схемы и общих правил, непредсказуемость. Особое внимание уделяется сложным взаимодействиям.

Важно подчеркнуть, что предпосылкой мощного развития редукционистских подходов в Новое время в разных областях было явление, которое лауреат Нобелевской премии И. Пригожин называет господством «иллюзии универсального». Это иллюзия возможности существования единой, «божественной», точки зрения, «с которой открывается вид на всю реальность», и иллюзия возможности существования единого, универсального, самого совершенного метода, применимого к любым областям, объектам, процессам и состояниям [24, с. 289]. Идеалом для всех наук до середины XIX века служила механика Ньютона. «Имя Ньютона стало нарицательным для обозначения всего образцового ... стратегия Ньютона состояла в вычленении некоторого центрального

твердо установленного и надлежаще сформулированного факта и в последующем использовании его как основы дедуктивных построений относительно данного круга явлений» [там же, с. 70]. Таким образом, «иллюзия универсального» основывалась на механистическом детерминизме [28].

Как показывает К. Глой, и преимуществом, и недостатком редукционистского подхода и порождает им систем статического, инвариантного типа является то, что они создают более однозначные, простые, внутренне непротиворечивые модели реальности. Принципиальной слабостью таких инвариантных систем является непреодолимый разрыв между бесконечным богатством изменяющейся реальности и идеализирующим понятийным единством, простотой и точностью.

Как попытка преодоления недостатков систем статического типа возникли теория динамических систем, науки о сложности (complexity sciences), развивающие холистический подход. Их аппарат способен конструктивно, не впадая ни в сверхдетерминизм, ни в агностицизм, работать с понятиями неопределенности, нестабильности, непредсказуемости и рассматривать множественные взаимодействия. Однако решающее обоснование преимуществ подхода динамических систем тоже невозможно, поскольку упирается в свой парадокс: совокупное множество всех динамических структур есть одновременно и структура, и неструктурированная предпосылка структуры [5, с. 94–105]. Таким образом, проблема решающего преимущества того или иного из этих подходов, берущих свое начало еще с трудов древнегреческих философов, не имеет решения. Оба подхода отражают определенные аспекты изучаемой реальности и являются взаимодополнительными по отношению друг к другу. Поэтому *холистический подход всегда включает и редукционистские стратегии, а редукционизм — холистические* [23].

Несмотря на эту взаимодополнительность, определенные противоречия между данными подходами являются мировоззренческими, парадигмальными, и поэтому их представителям крайне сложно договориться друг с другом — даже в областях естественных наук, где критерии принятия решений кажутся проще. В полемике же о нравственном правиле правдивости методологическое противостояние редукционистского и холистического подходов по ряду позиций усилено, умножено, возведено в степень противостояния нравственных ценностей. Принципиальный элемент глобального противостояния: сторонники Канта считают, что лучше быть другом будущему человечеству, чем другом конкретным людям здесь и сейчас; оппоненты — что лучше быть другом конкретным людям, чем другом будущему человечеству. И те и другие убеждены, что нравственную цель нельзя достигать безнравственными средствами, но в силу различий в иерархии нравственных ценностей каждая сторона считает, что ее оппоненты пытаются плохими средствами достичь сомнительных целей (в лучшем случае — ошибочно поставленных).

Одним из ярких свидетельств крайнего накала полемики является тезис сторонников Канта, что их оппоненты — моральные троцкисты, что они ведут дело ко лжи «злонамеренной, разъедающей все социальные структуры как неизлечимый рак», к политическим репрессиям и кровавым войнам [29]. Здесь полностью игнорируется тот вклад в массовые репрессии, который сделан людьми, совершенно искренне верившими в победу с явным преимуществом кантовской позиции. Нужно подчеркнуть — это были честные и очень бескомпромиссные люди. Именно они выступали прототипами для таких художественных произведений как пьеса А. К. Тренева «Любовь Яровая» (1927). Кульминация сюжета: главная героиня, Любовь Яровая, отвечая на вопрос, не к ней, а к другому персонажу обращенный, по собственной инициативе выдает красноармейскому патрулю мужа-белогвардейца, скрывающегося у нее в доме. На реплику комиссара «Спасибо, я всегда считал вас верным товарищем» она отвечает: «Нет, я только с нынешнего дня верный товарищ».

Поэтому следует понимать: убеждение в том, что лучше быть другом конкретным людям и пытаться спасти их от смерти сейчас, чем быть другом будущему человечеству в целом, развилось и окрепло в результате столкновения с кровавыми последствиями дел тех, кто честно и бескомпромиссно действовал на благо человечества, игнорируя страдания и смерти ближних. Это убеждение наиболее ясно выражено в тезисе Ф. М. Достоевского о невозможности построения счастья мира даже на одной слезинке ребенка.

Действительно ли отказ от бескомпромиссной кантовской позиции — причина социального рака? Или же одним из признаков (не причин) этой социальной болезни являются ситуации, когда сторонник абсолютности какого-либо принципа начинает доказывать, что противники его абсолютности, аргументированно доказывающие свою точку зрения, — источник социального рака?

Не думаю, что мое отношение к троцкизму и массовым репрессиям хоть чем-то лучше отношения к ним сторонников Канта. Именно поэтому с не меньшей силой я хочу, чтобы учение Канта было услышано, понято и заняло то место, которое должно занять. А это место определяется, наряду с величайшими достижения-

ми мысли Канта, еще и неспособностью и нежеланием различать жертву и злодея, нациста и убиваемого им ребенка, бескомпромиссной готовностью говорить правду, сколь бы ни был велик вред от этого другим, и так же бескомпромиссно лгать, если речь идет об избегании ущерба тебе самому, множественными нравственными (точнее, безнравственными) системными противоречиями и парадоксами, свидетельствующими об игнорировании не только здравого смысла, но и своих собственных теоретических положений.

При этом данный диалог-противостояние* можно считать конструктивным. Мне представляется очень важным положение А. П. Скрипника о том, что нравственность — не завершённый продукт, а активность, творческий поиск, творческая деятельность; она основана не на абсолютах в готовом виде, а на становящихся абсолютах.

Б. Г. Капустин также пишет, что моральные абсолюты — результат бесконечного исторического экспериментирования, осуществляемого в деятельности людей. Но при этом он подчеркивает неустранимую логическую и генеалогическую зависимость релятивизма от абсолютизма, состоящую в том, что лишь после формирования абсолюта возможна его релятивизация. Это положение можно дополнить другим — о неустранимой зависимости абсолютизма от релятивизма, и подтверждения этой зависимости рассмотрены в представленной нами статье.

Постоянно идущее становление нравственного абсолюта осуществляется не только за счет того, что «абсолютисты» сохраняют и охраняют абсолют от разрушения, а «релятивисты» его размягчают и разрушают, что кажется очевидным. Дело обстоит сложнее и интереснее. «Абсолютисты» сами работают и на сохранение абсолюта, и на его релятивизацию, размывание, разрушение. А «релятивисты» не только разрушают, но и защищают нравственные принципы от релятивизации и разрушения «абсолютистами».

Происходящую полемику можно рассматривать как одну из необходимых составляющих этой исторической творческой деятельности.

Работа поддержана Российским гуманитарным научным фондом, проект № 10-06-00322а.

Литература

1. Апресян Р. Г. Комментарии к дискуссии // Логос. 2008. № 5.
2. Апресян Р. Г. О праве лгать // Логос. 2008. № 5.
3. Артемьева О. В. Об оправданности лжи из человеколюбия // Логос. 2008. № 5.
4. Васильев В. В. Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь // Логос. 2008. № 5.
5. Глой К. Проблема последнего обоснования динамических систем // Вопросы философии. 1994. № 3.

6. Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможно ложь во благо // Логос. 2008. № 5.
7. Дубровский Д. И. К вопросу о добродетельном обмене // Логос. 2008. № 5.
8. Зубец О. П. Ложь как самоустранение // Логос. 2008. № 5.
9. Искандер Ф. Кролики и удавы. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/FISKANDER/kroliki.txt> (дата обращения: 02.01.2010).
10. Калинин Л. А. Кант в русской философской культуре. Калининград, 2005.

* Противостояние как форму диалога между культурами анализирует И. Яковенко [32].

11. Кант И. Лекции по этике. М., 2005.
12. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Часть I // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
13. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма / Ред. А. В. Гулыга. М., 1980.
14. Капустин Б. Г. Критика кантовской критики «права лгать» // Логос. 2008. № 5.
15. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.
16. Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Курс лекций по институциональной экономике. М., 2000.
17. Лефевр В. А. Алгебра совести. М., 2003.
18. Лефевр В. А. Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Том 2. № 1.
19. Логос. 2008. № 5. Электронная версия: URL:http://www.prognosis.ru/logos/5_2008.pdf (дата обращения: 02.01.2010).
20. Малинецкий Г. Линия Урана // Знание — сила. 1996. № 8.
21. Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000.
22. Ойзерман Т. И. Категорический императив и абсолютность запрета на ложь в этике Канта // Логос. 2008. № 5.
23. Поддьяков А. Н. Сравнительная психология развития Х. Вернера в современном контексте // Культурно-историческая психологии. 2007. № 1.
24. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.
25. Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М.: ИФРАН, 2009. С. 122—145.
26. Прокофьев А. В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. № 5.
27. Ротенберг В. С. Образ «Я» и поведение. [Электронный ресурс] URL: http://tjews.net/v_rotenberg/book.htm (дата обращения: 02.01.2010).
28. Рузавин Г. И. Концепции современного естествознания. М., 1999.
29. Сидорова Н. М. Когда Кант будет услышан и сколько за это надо заплатить? // Логос. 2008. № 5.
30. Скрипник А. П. К проблеме лжи в этике И. Канта // Логос. 2008. № 5.
31. Соловьев Э. Ю. Человек под допросом (нелживость, правдивость и право на молчание) // Логос. 2008. № 5.
32. Яковенко И. В чем ошибся Хантингтон? (Монолог культуролога) // Знание — сила. 2002. № 1.
33. Ярошевский М. Г. Социальные и психологические координаты научного творчества // Вопросы философии. 1995. № 12.
34. MacIntyre A. Truthfulness and Lies: What Can We Learn from Kant // MacIntyre A. Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge, 2006.

Is It Acceptable To Lie To a Murderer in Order To Prevent a Crime: An Analysis of Historical Polemic

A. N. Poddyakov

Ph.D. in Psychology, Professor, Faculty of Psychology, Department of General and Experimental Psychology, State University — Higher School of Economics

---

The controversy about Kant's essay «On a Supposed Right to Tell Lies from Benevolent Motives» is discussed, where Kant justifies the idea: if a murderer asks a person where his friend is hiding in order to kill his friend, morality calls not to lie to a murderer and tell the truth. The article argues that although the followers of this Kantian position are considered as absolutists, and its opponents — as relativists, the Kantians with a necessity perform a large-scale relativization of the truth maxima and often adopt even a more conformist position regarding deceit than Kant's opponents, the «relativists». We introduce the paradoxes of a «dear friend» and «Kant's generalized consequence for a variety of friends» that describe the contradictory positions of Kant supporters. The «absolutist» and «relativists» confrontation is interpreted as a polemic between the supporters of reductionist and holistic (integrated) methodological approaches taking into account that the methodological confrontation is intensified by the confrontation of moral values.

Keywords: Kant, lies, deception, the principle of truth, moral absolutisation and relativization, holism, reductionism.

References

1. *Apresyan R. G.* Kommentarii k diskussii // Logos. 2008. № 5.
2. *Apresyan R. G.* O prave l'gat' // Logos. 2008. № 5.
3. *Artem'eva O. V.* Ob opravdannosti lzhi iz chelovekolyubiya // Logos. 2008. № 5.
4. *Vasil'ev V. V.* Marginalii k rabote Kanta o mnimom prave na lozh' // Logos. 2008. № 5.
5. *Gloi K.* Problema poslednego obosnovaniya dinami-cheskikh sistem // Voprosy filosofii. 1994. № 3.
6. *Guseinov A. A.* Chto govoril Kant, ili Pochemu nevoz-mozhna lozh' vo blago // Logos. 2008. № 5.
7. *Dubrovskii D. I.* K voprosu o dobrodetel'nom obmane // Logos. 2008. № 5.
8. *Zubec O. P.* Lozh' kak samoustranenie // Logos. 2008. № 5.
9. *Iskander F.* Kroliki i udavy. [Elektronnyi resurs] URL: <http://lib.ru/FISKANDER/kroliki.txt> (data obrasheniya: 02.01.2010).
10. *Kalinnikov L. A.* Kant v russkoi filosofskoi kul'ture. Kaliningrad, 2005.
11. *Kant I.* Lekcii po etike. M., 2005.
12. *Kant I.* Metafizika nravov v dvuh chastyakh. Chast' I // Kant I. Soch. v 6 t. T. 4. Ch. 2. M., 1965.
13. *Kant I.* O mnimom prave l'gat' iz chelovekolyubiya // Kant I. Traktaty i pis'ma / Red. A. V. Gulyga. M., 1980.
14. *Kapustin B. G.* Kritika kantovskoi kritiki «prava l'gat'» // Logos. 2008. № 5.
15. *Kozeleckii Yu.* Psihologicheskaya teoriya reshenii. M., 1979.
16. *Kuz'minov Ya. I., Yudkevich M. M.* Kurs lekcii po insti-tucional'noi ekonomike. M., 2000.
17. *Lefevr V. A.* Algebra sovesti. M., 2003.
18. *Lefevr V. A.* Strategicheskie resheniya i moral' // Refleksivnye processy i upravlenie. 2002. Tom 2. № 1.
19. Logos. 2008. № 5. Elektronnaya versiya: URL:http://www.prognosis.ru/logos/5_2008.pdf (data obrasheniya: 02.01.2010).
20. *Malineckii G.* Liniya Urana // Znanie — sila. 1996. № 8.
21. *Merezhkovskii D. S.* Stihotvoreniya i poemy. SPb., 2000.
22. *Oizerman T. I.* Kategoricheskii imperativ i absolut-nost' zapreta na lozh' v etike Kanta // Logos. 2008. № 5.
23. *Podd'yakov A. N.* Sravnitel'naya psihologiya razvitiya H. Vernera v sovremennom kontekste // Kul'turno-istori-cheskaya psihologii. 2007. № 1.
24. *Prigozhin I., Stengers I.* Poryadok iz haosa: novyi dialog cheloveka s prirodoj. M., 1986.
25. *Prokof'ev A. V.* Vybor v pol'zu men'shego zla i proble-ma granic moral'no dopustimogo // Eticskaya mysl'. Vyp. 9. M.: IFRAN, 2009. S. 122—145.
26. *Prokof'ev A. V.* Kant, obman, primenenie sily... // Logos. 2008. № 5.
27. *Rotenberg V. S.* Obraz «Ya» i povedenie. [Elektronnyi resurs] URL: http://rjews.net/v_rotenberg/book.htm (data obrasheniya: 02.01.2010).
28. *Ruzavin G. I.* Konceptii sovremennogo estestvo-znaniya. M., 1999.
29. *Sidorova N. M.* Kogda Kant budet uslyshan i skol'ko za eto nado zaplatit'? // Logos. 2008. № 5.
30. *Skripnik A. P.* K probleme lzhi v etike I. Kanta // Logos. 2008. № 5.
31. *Solov'ev E. Yu.* Chelovek pod doprosom (nelzhivost', pravdivost' i pravo na molchanie) // Logos. 2008. № 5.
32. *Yakovenko I.* V chem oshibsya Hantington? (Monolog kul'torologa) // Znanie — sila. 2002. № 1.
33. *Yaroshevskii M. G.* Social'nye i psihologicheskie koordi-naty nauchnogo tvorchestva // Voprosy filosofii. 1995. № 12.
34. *MacIntyre A.* Truthfulness and Lies: What Can We Learn from Kant // MacIntyre A. Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge, 2006.